важно, так как до сих пор был известен лишь его книжный полууставный почерк. Скорописный деловой почерк не встречался. Два письма И. С. Мяндина написаны красивой, четкой скорописью и свидетельствуют о его грамотности и опытности как писца. Это письма интеллигентного человека того времени. Письма (они черновики) показывают, как требовательно относился И. С. Мяндин к своему стилю. Чтобы добиться ясности и понятности фразы, он переделывал ее по нескольку раз.

Первое письмо И. С. Мяндина от 1875 г. адресовано С.-Петербургскому оберполицейстеру (№ 301). Это жалоба его на писателя С. В. Максимова, увезшего у него в 1856 г. две старинные рукописные книги. Письмо говорит о личном знакомстве И. С. Мяндина с С. В. Максимовым.

Второе его письмо написано после 1882 г. и обращено к уполномоченному по крестьянским делам Мезенского уезда (№ 303). Оно было вызвано несправедливыми действиями при разделе земли со стороны старосты Чупрова и подкупленных им понятых. Мяндин выступает в нем как борец за справедливость, защитник бедных и бесправных своих односельчан.

И. С. Мяндину, вероятно, принадлежит также письмо, относящееся к 1850 г. Оно направлено в Великопоженский скит, наставнику Матвею Абрамовичу Осташову (№ 295), и содержит просьбу о поминовении матери и об уплате за поминки двум скитницам по рублю. Ему же, по-видимому, принадлежали письмо под № 293 и, возможно, копия с письма неизвестного лица (№ 296).

В ряде других писем находим дополнительные сведения о Мяндине. Так, из письма Степана Васильевича Чуракова, помощника епархиального миссионера, к И. С. Мяндину (от 1886 г.) видно, что официальная церковь, в лице своих миссионеров, внимательно следила за поведением пещорца (№ 302).

Далее. Некоторые жители Печоры указывали, что И. С. Мяндин учился «староверской грамоте» в Выго-Лексинском общежительстве (З. Н. Бабиков, Т. М. Мяндин и др.). Никакими другими источниками это сообщение не подтверждалось. Теперь сведения о его пребывании на Выге находим в письме, обращенном к Стефану Никифоровичу (Еремину) в дер. Высокая Гора (близ Усть-Цильмы) (№ 281). Здесь сообщается о приезде в общежительство некоего Ивана Мяндина с большими подарками. Несомненно, в письме имеется в виду И. С. Мяндин. За это говорит и то, что письмо было найдено в переплете принадлежащей ему рукописи. Поскольку письмо относится ко второй четверти XIX в., а И. С. Мяндин родился в 1823 г., то можно предположить, что в нем идет речь о юноше Мяндине, приехавшем в Выго-Лексинское общежительство для обучения старообрядческой грамоте (письму, чтению, службе и пению). Может быть, его приездом сюда были вызваны такие большие подарки выговцам. Это была плата за его обучение.

На письме некоему Иллариону Сидоровичу (№ 286) сохранились юношеские рисунки И. С. Мяндина, в том числе план и изображение дома местного богача Дементия Чупрова. Надписи, сделанные юношей Мяндиным в 1838 г., встречаются на письме Варваре Семеновне Вокуевой (№ 287). Есть его юношеская надпись на письме некоей Евдокии (№ 289).

Ряд писем адресован отцу И. С. Мяндина — С. Н. Еремину (№№ 273, 281, 290), матери — И. В. Мяндиной (№№ 279, 283, 290), дяде по матери — наставнику Великопоженского скита А. В. Мяндину (№ 285).

Находит отражение в переписке усть-цилемцев процветавшие в крае система подкупов при выборе на должности и взяточничество, а также грубость и своеволие местной знати, ее постоянное стремление к наживе и обо-